

Глава 16. Прощание

К тому времени как Лу Сяофэн покинул кабинет Хуа Жулия, луна уже миновала зенит.

Уходил он, томясь сомнениями, но вернулся с широкой улыбкой. Вид у него был такой, точно он получил от старого Хуа щедрый подарок или, по меньшей мере, узнал какую-то чрезвычайно приятную новость. Поправив щегольские усы, он подцепил откуда-то сочную травинку и небрежно зажал её в зубах. Его облик лучился вальяжным, беззаботным довольством.

Он не спешил возвращаться к себе, хотя усталость уже давала о себе знать. В иной час, не будь он гостем в этом доме, он, верно, уже крепко спал бы в объятиях какой-нибудь красавицы. Но сейчас сон не шёл к нему. Ему во что бы то ни стало хотелось повидать Хуа Маньюлоу.

Полночная прохлада тонким шёлком скользила по рукавам, принося с собой бодрящую свежесть. Лу Сяофэн замер у порога, раздумывая: «Верно, он уже спит. Стоит ли будить его ради пустой болтовни?»

Отгнав навязчивую мысль, он развернулся и направился к своей комнате. В поместье давно погасли огни, и лишь бледный лунный свет серебрил пустые коридоры. Но едва он приблизился к своим дверям, как замер. Одно окно в ряду тёмных покоев всё ещё светилось мягким янтарным сиянием.

Это было окно его собственной комнаты.

Он невольно усмехнулся. Распахнув дверь, он проговорил:

— Брат Хуа, уже так поздно. Зачем ты ждёшь меня?

Хуа Маньюлоу, сидевший у стола, мягко отозвался:

— Брат Лу, час и впрямь поздний. Где же ты пропадал?

Оба они негромко рассмеялись. В этом смехе не было веселья, скорее — глубокое, искреннее расположение друг к другу. Лу Сяофэн посмотрел на танцующее пламя свечи, и на душе у него стало по-особенному тепло.

— Тебе вовсе не стоило жечь светильник, дожидаясь меня.

— Разве луна сегодня светит ярко? — спросил Хуа Маньюлоу.

— Не ярче, чем твой огонь, — ответил Лу Сяофэн.

Он притворил дверь и тихо присел рядом с другом. Хуа Маньлоу, как и всегда, едва заметно улыбался. Лу Сяофэн посмотрел на него — на ясные, хоть и лишённые зрения, глаза — и сам невольно улыбнулся в ответ.

— Я слышал, как сюда шёл Хуа Пин, — произнёс Хуа Маньлоу.

Лу Сяофэн не успел спросить, и тот продолжил. Такая пронизательность была уже не просто пониманием, а плодом долгой, испытанной временем близости.

— Если он ищет тебя в такой час, значит, дело важное. Но дело это не его собственное.

Лу Сяофэн перевёл взгляд на колеблющийся фитиль.

— И ты пришёл предупредить меня?

Хуа Маньлоу кивнул. Он повернул голову к свету, словно чувствуя его тепло.

— Это отец, верно? Он и днём говорил с нами, тая что-то недосказанное. Я знал, что он пошлёт за тобой. Отец порой слишком сильно печётся о моём благополучии и слишком многим готов ради этого пожертвовать.

Лу Сяофэн невесело усмехнулся:

— Говорят, отец знает сына как никто другой, но и сын, похоже, видит отца насквозь. Дядя Хуа и впрямь прислал за мной слугу. Мы долго толковали с ним о жизни.

— Отчего же ты не скажешь, что он зазвал тебя «варить вино и судить о героях Поднебесной»?

— поддел его Хуа Маньлоу.

— В такие часы со старшими не пьют. Я ведь должен заботиться о здоровье твоего почтенного родителя.

— Должно быть, он снова о чём-то просил тебя?

Лу Сяофэн, видя, что скрытничать бесполезно, спросил:

— Ты уже догадался?

Хуа Маньлоу устремил взгляд в окно. Он не видел ночного сада, но не любил подолгу смотреть в одну точку.

— Помнишь, брат Лу, когда мы охотились за Железным Башмаком? Тогда отец тоже просил тебя разыграть перед собой комедию, надеясь избавить меня от детских кошмаров.

Дядя Хуа поступал так не впервые.

— И на этот раз он вновь позвал тебя. И вновь — втайне от меня.

Лу Сяофэн прищурился:

— Хочешь знать, о чём мы говорили?

Хуа Маньлоу медленно покачал головой.

— Тогда, с Железным Башмаком, затея едва не обернулась бедой. Если бы я не почувствовал неладное, я мог бы серьёзно ранить тебя.

Голос его зазвучал тише, в нём прорезалась глубокая печаль:

— Брат Лу, если мой отец снова молит тебя о какой-то услуге — не делай этого. Не стоит вновь бросаться в пасть опасности ради прихоти старика.

Лу Сяофэн почувствовал, как сердце наполнилось щемящей нежностью. Ради такого друга, как Хуа Маньлоу, стоило не только рискнуть собой, но и, если потребуется, отдать жизнь.

— Ты слишком мнителен, — рассмеялся Лу Сяофэн. — С чего ты взял, будто неприятности так и липнут ко мне?

Хуа Маньлоу знал, что его друг — натура вольная, бедовая, и ради товарищей он готов шагнуть в самый ад. Слова Лу Сяофэна не обманули его.

— Если нет никакой угрозы, зачем же тогда отец отдал тебе «Слёзы опадающих цветов»?

Такое грозное оружие не достают из ларцов ради пустой забавы. Лу Сяофэн понял: от этого пронизательного человека ничего не скрыть. Он видит суть вещей глубже, чем любой зрячий.

Лу Сяофэн подался вперёд и заговорил непривычно серьёзным тоном:

— Даже если впереди и впрямь беда, мне не придётся встречать её в одиночку. Дядя Хуа лишь просил меня всегда быть рядом с тобой. Он боится, что кто-то может причинить тебе боль.

Хуа Маньлоу замер, внимая его словам. Лу Сяофэн редко бывал столь искренен. Обычно он прятал чувства за остротами и паясничаньем, и услышать от него нечто подобное стоило дорогого.

— Не тревожься, брат Хуа. Твой отец не просил меня ни о чём безрассудном. Он лишь выразил надежду, что перед лицом грядущих трудностей наши сердца будут биться в унисон. Что мы встретим их вместе.

Говоря это, Лу Сяофэн не кривил душой. Хуа Жулинь действительно сказал эти слова. Просто они были лишь малой частью их долгого разговора.

Хуа Маньлоу долго молчал. Он не сводил с друга взгляда, и Лу Сяофэн кожей чувствовал это внимание — мягкое, словно лунный свет, обволакивающее всё вокруг. Наконец Хуа Маньлоу произнёс:

— Ты вечно твердишь, будто я слишком добр и простодушен. Но разве ты сам не таков?

Он поднялся с места.

— Отдыхай. Мне тоже пора к себе.

Видя, что Хуа Маньлоу собирается уходить, Лу Сяофэн вмиг растерял всю свою торжественность:

— Время позднее, к чему эти церемонии? Ложись здесь, места хватит.

— Неужели? — улыбнулся Хуа Маньлоу. — То ты грезил о моей спальне, а теперь зазываешь гостить в своей каморке?

— А почему бы и нет? — настаивал Лу Сяофэн. — Путь неблизкий, туман в саду густой, сырость ночная...

Хуа Маньлоу лишь со смехом покачал головой:

— Ах, Лу-сюн, в своём репертуаре...

Он тихо притворил за собой дверь. Лу Сяофэн со вздохом повалился на постель:

— Никакой тяги к авантюрам. Совсем невыносим.

***

Наутро, едва Лу Сяофэн успел умыться, в дверь постучали. Это был Хуа Пин. Отворив створку, Лу едва не задел слугу по носу.

— Осторожнее, Лу-дася! — прикрикнул тот, потирая лицо. — Завтрак подан, я распорядился проводить вас в трапезную.

Пока они шли через сад, Лу Сяофэн затеял нехитрый разговор:

— Твои хозяева, молодые господа, часто бывают дома?

— Нечасто, — охотно отозвался Хуа Пин. — Но и надолго не отлучаются. Раз в несколько дней кто-нибудь да заглянет проведать старика-отца.

— И кто из них самый искусный в воинском деле?

— Старший, Второй и Четвёртый господа к боевым искусствам не приучены, — пустился в объяснения слуга. — Пятый молодой господин мастерски владеет мечом. Однако...

— Что «однако»? — подхватил Лу Сяофэн.

— Самый сильный — это, без сомнения, Седьмой господин.

Лу Сяофэн ничуть не удивился. Не только в семье Хуа — во всей Поднебесной едва ли нашлось бы много мастеров, способных выстоять против Хуа Маньлоу в честном поединке. И хотя им ни разу не доводилось скрестить оружие, Лу Сяофэн чувствовал его мощь нутром. О таких вещах не спорят — их просто знают.

— Но хоть наш Седьмой господин и велик в кунг-фу, сердце у него слишком мягкое, — вздохнул Хуа Пин. — А потому Пятый господин всё же кажется опаснее.

Лу Сяофэн усмехнулся, оценив нехитрую мудрость слуги:

— Я непременно передам твои слова брату Хуа. Думаю, он с тобой согласится.

Хуа Пин вмиг побледнел. Конечно, Хуа Маньлоу никогда бы не разгневался из-за такой честности, но слуге вовсе не хотелось, чтобы его рассуждения дошли до ушей господина.

— Смилуйтесь, Лу-дася! Я ведь так, к слову пришлось... Да и вы первый спросили.

Лу Сяофэн расхохотался, довольный своей маленькой шуткой.

В трапезной за завтраком Хуа Маньлоу так и не появился. «Неужто и впрямь заспался после наших посиделок?» — подумал Лу. Но тут же отмёл эту мысль: Хуа Маньлоу был человеком строгих привычек, и заставить его валяться в постели было делом почти невозможным.

— Послушай, — обратился он к Хуа Пину, — где ваш Седьмой господин? Неужели ещё отдыхает?

— Что вы, — ответил тот. — Седьмой молодой господин встал с первыми лучами. Перекусил на скорую руку и ушёл к хозяину. Давненько они уже беседуют.

Лу Сяофэн нахмурился, но тут же одёрнул себя. Они отец и сын. Им всегда есть что обсудить, и не его дело решать, о чём им молчать, а о чём говорить.

Он вышел в сад, наслаждаясь редким мгновением покоя среди благоухающих цветов. Вскоре послышались знакомые шаги.

— Брат Лу, доброго утра, — произнёс Хуа Маньлоу.

— Вижу, ты бодр и свеж, — отозвался Лу Сяофэн.

Они неспешно пошли по тропе. Хуа Маньлоу заговорил вполголоса:

— Отец поведал мне кое-что. Оказывается, он и сам не знает точно, когда сработает «Игла, пронзающая сердце». Внутренняя сила у всех разная, и методы применения игл отличаются... Сейчас невозможно предсказать точный час.

Он сокрушённо вздохнул:

— Боюсь, придётся ждать возвращения Третьего брата. Может, он прольёт свет на эту тайну.

— Отчего же твой отец знает об этом меньше сына? — удивился Лу Сяофэн.

— Видишь ли, в семье Хуа мастерство скрытого оружия по-настоящему прославил не мой отец, а его старший брат, мой покойный дядя. Увы, его уже нет с нами, и спросить некого.

Лу Сяофэн понимающе кивнул, вспомнив ночной разговор с Хуа Жулинем.

— Третий брат вернётся лишь через полмесяца, — продолжал Хуа Маньлоу. — А потому я попросил у отца благословения. Хочу сперва нанести визит в одно место.

Лу Сяофэн взглянул на друга и закончил за него:

— В поместье Красной птицы?

Хуа Маньлоу едва заметно кивнул.

Поместье Красной птицы. Ключ к разгадке был где-то там.

<http://bllate.org/book/17403/1657999>